

ПРОСТО О СЛОЖНОМ

СОКРАТ

ЗА 90 МИНУТ

ВСЯ МИРОВАЯ ФИЛОСОФИЯ ЗА 90 МИНУТ!

УДК 1(091)(3)
ББК 87.3(0) 3
С84

Оформление
дизайн-студии «Дикобраз»

Перевод с английского
Н. Вышинского

Все права защищены
Авторизованный перевод с издания
Paul Strathern
Socrates in 90 minutes

Подписано в печать 06.05.2005. Формат 84x108/32.
Гарнитура «Ньютон». Бумага газетная. Усл. печ. л. 5,0.
Доп. тираж 5000 экз. Заказ № 5607.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.2005 г.

Стретерн, П.

С84 Сократ за 90 минут / Пол Стретерн; пер. с англ. Н. Вышинского. - М.: Астрель: АСТ, 2005. - 87, [9] с: ил. - (Философы за 90 минут).

В своей книге «Сократ за 90 минут» Пол Стретерн предлагает краткий обзор жизни и идей Сократа. В книгу включены избранные высказывания философа, а также даты важнейших событий, произошедших как в судьбе самого Сократа, так и в истории его эпохи.

ISBN 5-17-021009-4 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-07550-8 (ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 1-56663-148-3 (англ.)

УДК 1(091) (3)
ББК 87.3 (0)3

ISBN 5-17-021009-4 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-07550-8 (ООО «Издательство Астрель»)
ISBN 1-56663-148-3 (англ.)

© Strathern P., 1997

© ООО «Издательство Астрель», 2003

Содержание

Введение	5
Жизнь и труды Сократа	17
Послесловие	60
Некоторые наблюдения, приписываемые Сократу	69
Важные даты в философии	78
Хронология жизни Сократа	83
Эпоха Сократа	85
Об авторе	87
Именной указатель	88

Введение

В начале всего существовал мир, и мы, в общем-то, не так уж много о нем знали. Но, невзирая на это, выжили. Озадаченный житель неолита, задавшийся вопросом о причине такого положения вещей, был первым из философов. Что, вообще говоря, происходит на свете? Зачем все вокруг?

На протяжении тысячелетий ответы, которые мы получали на эти вопросы, были не философскими. В них было всего понемногу: суеверий, сказочек, религии. Первым народом, который в VI в. до н. э. ответил на эти вопросы в философском духе, были греки. Они использовали разумное наблюдение, не замутненное никакими ме-

тафизическими западно-африканскими племенными фетишистскими представлениями, связанными с суевериями. До сих пор остается тайной, каким образом на забытых богом берегах Эгейского моря был сделан этот крупнейший шаг в развитии человечества. Китайцы, вавилоняне и древние египтяне в те времена отличались более высоким уровнем развития, их цивилизации были великими и могучими. Они также владели более совершенными технологиями и гораздо лучше знали математику. Их мастерство в области шелкового производства, строительстве пирамид и предсказании солнечных затмений намного превосходило возможности древних греков. А уж если сопоставлять запутанные и сложные религиозные представления китайцев, вавилонян и древних египтян с греческими мифами о происхождениях олимпийских богов, то сравнение будет явно не в пользу греков. То была религия, задержавшаяся на начальной стадии развития (например, только для зрелых религиозных систем характерен вопрос о принесении в жертву человека).

Однако именно детскость древнегреческой культуры вполне может скрывать в себе разгадку

этой тайны — во всяком случае, частично. Без нее могло вообще не произойти удивительного расцвета древнегреческой культуры, которая до сих пор считается основой западной культуры. Наивная и прозрачная религия греков не оставляла места для богословского или умственного размышления. До греков любые возникающие в умах людей вопросы о мироустройстве всегда находили свои ответы в религии, в результате чего метафизика и суеверия с неизбежностью проникали в сам процесс размышления и наблюдения. Астрономия вавилонян испытала на себе сильное влияние астрологии; математика египтян была пронизана религиозными суевериями. Когда же древние греки начали задавать умные вопросы, их культура не была отягощена подобным наследием.

Возможно, именно вследствие этого древнегреческая культура и начала развиваться с поистине чудесной быстротой. Например, если посмотреть, как развивалась греческая трагедия, то видно, что она родилась из упрощенного религиозного ритуала, превратившись затем в утонченную драму (почти не изменившуюся по форме да

наших дней). Причем все это произошло в течение жизни одного поколения. То же можно сказать и о философии: зародившись в середине VI в. до н. э., она уже к концу следующего столетия произвела на свет Платона, которого многие и поныне рассматривают как наиболее выдающегося представителя философии. В этом плане достижения древнегреческой философии V в. до н. э. до сих пор остаются непревзойденными. И только философия XX в. демонстрирует новое качество и большое разнообразие.

Первым древнегреческим философом принято считать Фалеса Милетского, выходца из Малой Азии. Нам известно, что в 585 г. до н. э. он прославился тем, что предсказал солнечное затмение, которое произошло в тот год. (Это знание он почти наверняка списал с вавилонских источников.) Фалес считается первым настоящим философом, потому что он первым попытался объяснить мир в терминах реально наблюдаемой природы, а не в образах мифологии. Это означало, что его заключения можно было проверить на истинность с помощью рациональных рассуждений. Главное положение философии Фалеса та-

ково: все в мире состоит из воды. Таким образом, Фалес задал тон всей философии тем, что, фактически допустив ошибку, сделал неверное умозаключение.

После Фалеса философия быстро начала процветать. Философов становилось все больше. Все они дали целый ряд различных объяснений того, как устроен мир. Одни говорили, что мир состоит не из воды, а из огня, другие — что из воздуха, из светящихся элементов и т. д. Философов этого периода (середина VI — середина V вв. до н. э.) обычно называют досократиками. В большинстве случаев уцелели лишь отрывки из их философских произведений — в письменном виде или в виде ссылок на них в других источниках. Несмотря на это, нам знакомы имена многих из них. Пифагор, известный математической теоремой (которую он, строго говоря, открыл не сам), обнаружил, что числа играют основную роль в музыке (от числовых пропорций зависит гармония). Это натолкнуло его на мысль о том, что мир, в конечном счете, состоит из чисел. Подобная теория не столь уж лишена смысла, как может показаться на первый взгляд. Например, Эйнштейн

считал, что Вселенную можно постичь и разъяснить посредством математических выражений. Современные ученые скорее придерживаются точки зрения, что мир состоит не из чисел, но тем не менее числа — от кварков и до квазаров — играют основную роль при его описании и определении. Еще одним философом-досократиком, опередившим современную науку, был Демокрит. Он считал, что мир состоит из атомов. (Это было за две тысячи лет до того, как ученые пришли к той же мысли.)

Анаксагор был первым афинским философом, хотя совершенно точно известно, что он не был коренным жителем Афин. Его доставили из ионийского города Клазомены (Малая Азия) по указанию Перикла, чтобы поднять уровень афинской образованности. Анаксагора трудно считать действительно великим философом. Он отказался от традиции объяснять мир как состоящий из какой-то одной субстанции и настаивал на том, что мир состоит из множества субстанций. И действительно, все состояло из всего. Пойдя по этому пути, Анаксагор вынужден был утверждать, что даже растения обладают особым разумом, что снег

частично черен, а вода содержит в себе элементы сухости. Несмотря на то, что в качестве идей у Анаксагора выступают такого рода аномалии, все же надо признать его вклад в философию значительным. Именно он является основателем афинской философской школы. К тому же именно Анаксагор, будучи учителем Сократа, познакомил город с его философией.

По преданию, Анаксагор также учил Перикла, который в дальнейшем стал движущей политической силой на протяжении всего золотого века Афин (с середины 440-х гг. до н. э. до конца 430-х гг. до н. э.). В этот период был построен Парфенон, созданы величайшие греческие трагедии, скульптура Фидия (его Зевс стал в старину одним из семи чудес света), возникла классическая философия в лице Сократа. Неизвестно, какую роль сыграл Анаксагор во влиянии на Перикла (если он вообще сыграл какую-либо роль). Известно другое: Анаксагор утверждал, будто Солнце — это разгоряченная скала, а Луна создана из земной тверди. За то, что Анаксагор выражал такие взгляды (по иронии судьбы, именно они оказались ближе всего к истине), его начали

преследовать за безбожие, и ему пришлось бежать и навсегда покинуть Афины. Таково первое настоящее доказательство того, что философию воспринимали всерьез, считая ее опасной для умов.

Сначала Анаксагор преподавал эти уроки Сократу — уроки того, что философия одновременно серьезна и опасна. Как мы увидим, Сократ просто проигнорировал их. В результате пренебрежения первым заветом Анаксагора Сократ стал одним из наиболее общественно значимых философов. Пренебрежение вторым стоило Сократу жизни.

Лишь через добрых сто лет после своего зарождения философия вступила в наивысшую пору своего расцвета. Это было время творчества трехлучших философов, которых когда-либо видел мир. Первым из них был Сократ, обладатель особого склада ума, который так подолгу беседовал на улицах Афин с гражданами о философии, что у него не находилось и часа времени, чтобы хоть что-нибудь записать. Это означает, что мы знаем об учении Сократа лишь по сочинениям его знаменитого ученика Платона, и зачастую весьма сложно определить в этих сочинениях, какие

мысли и положения принадлежат Платону, а какие — его наставнику.

Сократ разработал новый метод ведения философской беседы, в рамках которого один из собеседников задавал подробные парадоксальные вопросы. Этот подход был назван диалектикой (которая была предшественницей логики). Свой прием Сократ применял в беседах для того, чтобы пробиться сквозь заблуждения своих противников и добраться до истины. Платон сумел уловить дух этих бесед и описал его в своих великолепных диалогах. Более «правильный» подход к философии, а также образ жизни Платона не мог не повлиять на то, что к философии наконец стали относиться более уважительно. Однако он упорно продолжал считать, что настоящий мир состоит из идей, а тот мир, который мы видим и ощущаем, представляет собой не более чем тени. Несмотря на такой малореалистичный подход, многие исследователи считают, что вплоть до наших дней вся философия — не более чем примечания к сочинениям Платона. Хотя в этом есть известная доля преувеличения, Платон, тем не менее, впервые ясно и четко сформулировал ос-

новные философские проблемы, на которые мы и поныне пытаемся найти ответы.

Третьим членом этого триумvirата был Аристотель — один из учеников Платона. Аристотель-ученик решительно отверг попытку маститого Платона сделать философию привлекательной для изучения, представив ее в виде диалогов. В противовес этому подходу Аристотель написал множество трактатов, многие из которых затерялись, ибо к этому приложили руку его неблагодарные последователи. Правила мышления и классификации, разработанные Аристотелем, заложили основы для большинства философских и научных мыслей на протяжении последующих двух тысячелетий. Лишь в последние века мы начали понимать, *в чем именно* Аристотель ошибался. Похоже, он понял, что любые сложные объяснения в итоге непременно оборачиваются ошибкой, — однако это не остановило его от попыток прибегать к доказательствам снова и снова.

Без философии, которая зародилась в древней Греции и долгие годы сохраняла свой ярко выраженный греческий характер, мы не смогли бы проделать столь впечатляющий путь в своем

развитии. У нас бы не было науки, а попытка достичь истины любого рода в значительной мере оставалась бы делом воображения и прихоти — как раз такое положение дел мы до сих пор застаем, например, в области так называемых политических наук, психологии и экономике. То же можно сказать об этике, которая продолжает пребывать в жалком, плачевном состоянии, несмотря на то, что философы и богословы постоянно обращаются к ней на протяжении многих веков. Если выразиться на языке нравственности, то приходится констатировать, что мы не только не лучше наших предков, живших более двух тысяч лет назад, но мы даже не знаем, как нам решать наши проблемы.

У философов ушло двадцать пять веков на то, чтобы обосновать ошибочное умозаключение о том, что дело вовсе не в том, что кто-то приходит к ошибочным умозаключениям. Сегодня они считают, что главное — это просто заниматься философией. Таким образом, философия стала чем-то вроде работы по дегустации вин или уходу от налогов, ибо обладает точно таким же сомнительным воздействием на того, кто трудится в этой

области. Впервые в истории философии любая попытка создать философское построение как таковое оказывается избыточной. Можно констатировать, что философская традиция, взявшая свое начало от Платона, Канта, Эренсварда и Витгенштейна, подошла к концу. Эта традиция размышления и наблюдения, привлекая несколько самых лучших умов, впервые сформировалась благодаря Сократу.

Жизнь и труды Сократа

Сократ родился в 469 г. до н. э. в деревне на склонах горы Ликабетт, откуда в то время можно было пешком за 25 минут добраться до Афин. Его отец был скульптором, а мать — повивальной бабкой. Сначала юный Сократ работал подмастерьем у своего отца; некоторые исследователи считают, что Сократ создал скульптуру «Три грации», которая украшала Акрополь. Затем его отправили учиться к Анаксагору.

Сократ продолжил учебу у философа Архелая, который, как сообщает Диоген Лаэртский, автор биографий знаменитых философов, живший в III в. до н. э., «любил его в худшем смысле этого слова». В Древней Греции, как, впрочем, и

сейчас в восточном Средиземноморье, гомосексуализм рассматривался как вполне обычное проявление половой жизни. Так продолжалось до тех пор, пока христианство не наложило ограничения на этот обычай, закрепив как норму сексуальной жизни гетеросексуальные контакты. Поэтому Анаксагору, который учил, что Солнце — это светящаяся звезда, пришлось бежать из Афин, чтобы спасти свою жизнь. Зато Архелай оставался на свободе, беспрепятственно предаваясь наслаждению умственного общения со своими учениками, заходившего иногда, впрочем, довольно далеко.

Вместе с Архелаем Сократ изучал математику, астрономию и учения древних философов. К тому времени философия развивалась уже немногим более столетия и была чем-то вроде ядерной физики своего времени. И в самом деле, мир философии (который полностью состоял сначала из воды, потом из огня, затем из светящихся элементов и т. д.) имел такое же отношение к миру действительности, как мир современной ядерной физики относится сейчас к нашей собственной повседневной реальности. Мы вряд ли считаем,

что наши встречи с мезонами — это высшая точка нашего ежедневного существования, и есть подозрение, что древние греки точно так же равнодушно относились к тогдашним последним открытиям — что их мир, по сути дела, был таким аквариумом с золотыми рыбками, плавильной печью или постоянным фейерверком.

Вскоре Сократ пришел к выводу, что размышления о природе мира никакой пользы человечеству не принесут. Как это ни удивительно для такого склонного к рассудочности мыслителя, Сократа парадоксальным образом можно считать противником науки. В этом на него наверняка повлиял один из величайших философов-досократиков — Парменид Элейский. Сократ в свои юношеские годы, говорят, будто бы встретил стареющего Парменида и «многому у него научился». Парменид разрешил яростный спор между теми, кто считал, что мир состоит из единого вещества (такого же, как вода или огонь), и тех, кто, подобно Анаксагору, считал, что мир состоит из множества всевозможных веществ. В этом непримиримом споре победил Парменид: он просто не обратил на него никакого внимания. Согласно

Пармениду, тот мир, который нам известен, — это всего лишь обман зрения. Наши рассуждения о том, из чего состоит мир, не имеют никакого значения, потому что сам-то он не существует. Единственная реальность представляет собой вечное Божество — бесконечное, неизменное, неделимое. Для этого Божества нет ни прошлого, ни будущего: оно включает в себя всю вселенную и все то, что вообще может в ней произойти. «Все в одном» — таков был основной принцип Парменида. Вечно преходящая множественность, которую мы наблюдаем, — всего лишь видимость этого неизменного, всеобъемлющего Божества. Такое отношение к миру едва ли приносит науке пользу. Зачем заботиться о делах этого мира, когда они — всего лишь обман зрения?

В те далекие времена считалось, что философия изучает всякое знание (по-гречески «философ» означает «любитель мудрости»). Математика, наука и космология не существовали как таковые; на протяжении многих веков они считались частью философии. И лишь в XVII в. Ньютон дал своему главному произведению название *Philosophicae Naturalis Principia Mathe-*

matica («Математические начала естественной философии»). Только по прошествии многих лет философию, наконец, стали рассматривать как изучение метафизических — и поэтому не имеющих разрешения — вопросов. В тех случаях, когда философии действительно удавалось отыскать ответы на вопросы, она переставала быть философией, превращаясь в отдельный предмет, например в математику или физику. Последним таким примером можно считать психиатрию, которая утверждала, что может дать ответы на множество вопросов, после чего и стала самостоятельной наукой. (На самом деле психиатрия не соответствует философским требованиям науки. Подразумевается, что наука всегда должна строиться на определенных принципах, которые могут быть подвергнуты проверке в процессе эксперимента. Что же касается психиатрии, то такого рода требования здесь не могут быть выполнены из-за отсутствия четких критериев описания таких явлений, как паранойя, слабоумие и другие формы психопатии.)

Во времена Сократа вся эта область, конечно же, считалась частью философии (а филосо-

фов граждане Афин воспринимали примерно так же, как в наши дни люди воспринимают психиатров). Отношение Сократа к философии, конечно, было психологическим в изначальном смысле этого слова (по-гречески «психология» означает «изучение ума»). Однако Сократ не был ученым. Здесь сказало влияние Парменида, который считал реальность не более чем обманом зрения. Эта идея оказала отрицательное влияние на Сократа и его преемника Платона. На протяжении их жизни в математике было сделано несколько открытий, но только в силу того, что она считалась вневременной и абстрактной, а, стало быть, была связана с божественной сущностью. К счастью, их последователь Аристотель по-другому относился к миру. Он во многих смыслах стал основателем науки и снова развернул философию к реальности. Однако ненаучный — по сути дела, антинаучный — подход, развиваемый Сократом, пагубно повлиял на философию, и от этого влияния она не могла избавиться в течение многих веков.

Во многом именно благодаря тому, что Сократ занял позицию противника науки, немногие

великие научные умы Древней Греции предпочли творить вне рамок философии. Так Архимед (в физике), Гиппократ (в медицине) и в некоторой степени Евклид (в геометрии) работали в отрыве от философии, а стало быть, и от любой традиции развития знания и аргументации. Древнегреческие ученые знали, что Земля круглая и вращается вокруг Солнца, и даже умели рассчитывать ее окружность. Они имели дело с электричеством, им было известно, что Земля обладает магнитным полем. Оказавшись за рамками «универсальной мудрости» философии, подобные крохи знания, основанные на фактах, расценивались как простые чудачества. Мы многим обязаны Сократу за то, что он поместил философию на устойчивое основание разума. Однако то обстоятельство, что философия развивалась под эгидой этого противника науки, следует расценивать как одно из великих несчастий человечества в процессе познания мира. Трудно переоценить значение того, что мы потеряли. Умственная энергия, ушедшая в Средние века на то, чтобы исчислять количество ангелов, которые могли бы уместиться на кончике иглы, могла бы быть упот-

реблена на изучение атомов, о которых первым убедительно заговорил Демокрит.

Сократ считал, что вместо того, чтобы вопрошать мир, нам следовало бы задавать вопросы самим себе. Он присвоил себе знаменитое изречение «Познай самого себя». (Иногда это изречение по ошибке приписывается Сократу. Впрочем, само выражение вполне мог ввести в оборот еще Фалес, который считается первым по времени философом. Известно также, что данное изречение было начертано в святилище Аполлона в Фокиде, где находился самый знаменитый в Греции оракул — Дельфийский.)

Сократ начал излагать свое философское учение на Агоре — рыночной площади древних Афин. Эти многочисленные развалины и по сию пору можно увидеть ниже Акрополя. Здесь излюбленным местечком Сократа была Стоя Зевса Элевтерия (Свободного) — тенистая колоннада, переполненная лавочниками, которые предлагали свои товары. Каменные основания Стои и в наши дни доступны для посещения. Северная часть основания Стои пересечена всегда переполненной веткой метро Афин Пирей, а ниже, за

проволочной изгородью покой развалин нарушается крикливой толпой, резкими звуками бузуки и зычными призывами владельцев палаток и киосков блошиного рынка Монастираки. Все это не может очень уж сильно отличаться от того шума и гама, который, скорее всего, царил здесь при жизни Сократа. Перед нами стоит задача представить себе Сократа, ведущего беседы о мудрости среди людей, которые в те далекие времена торговались примерно так, как это делают сейчас торговцы джинсами, среди несущихся из еврейских кварталов выкриков «Грек Зорба» и среди жалобно-плаксивых подвываний торговцев орешками. И, несмотря на это, кому-то, должно быть, удавалось на самом деле услышать то, что хотел сказать Сократ. Видимо, уже в молодые годы Сократ умудрился вызвать переполох в Афинах, так как к тому времени, когда ему исполнилось тридцать лет, пифия святилища Аполлона Дельфийского оракула уже провозгласила его мудрейшим из людей.

Сократ сказал, что ему трудно в это поверить, искренне произнеся свое знаменитое: «Я знаю только то, что ничего не знаю». Для того чтобы

узнать, была ли толика истины в вещих словах предсказательницы-пифии, Сократ принялся расспрашивать других мудрецов Афин, пытаясь выяснить, что же знают они. Сократ в те времена был умельцем мастерски разоблачать ханжество и заблуждения. Он притворялся невеждой и спрашивал своего собеседника, что же именно тот знает. Пока собеседник объяснял ему это, Сократ умудрялся разоблачить заблуждения своего противника, задавая ему заковыристые вопросы. Не зря Сократ прославился как «афинский овод». Однако его метод постановки вопросов был гораздо глубже, чем это иногда казалось поначалу. Сократ стремился прояснить позиции в споре путем уточнения основных принципов, из которых исходил собеседник. Это в то время означало определить основные понятия, на которых покоились мысли собеседника Сократа, выявить в них нестыковки, а главное — указать на возможные последствия подобных воззрений. Однако Сократ еще и пристально следил за теми нелепицами, которые произносили его противники, к тому же не отказывал себе в удовольствии загнать в тупик собеседника, выставив его на всеобщее посмеши-

ще. Скорее всего, он доводил своего противника по беседе до бешенства — скользкий, блестящий, хитроумно-изворотливый. И нет сомнений, что такая черта характера Сократа, как смекалистость и находчивость умника, нажила ему немало врагов, равно как и привлекла к нему многочисленных последователей из среды тогдашней молодежи, которая боролась с предрассудками.

В скором времени Сократ сумел доказать, к своему вящему удовольствию, что так называемые мудрейшие афинские мужи на самом деле ничего не знали — точно так же, как и он сам. Из этого он сделал вывод, что пифия Дельфийского оракула оказалась права: Сократ в самом деле был мудрейшим человеком, так как он-то, по крайней мере, знал, что ничего не знает.

Скорее всего, Сократ действительно был расщудочен и истреблял предрассудки. Таков был его подход. Однако во многом он и сам оставался порождением своего века. Несмотря на все подшучивания, Сократ, похоже, уверовал в то, что устами пифии Дельфийского оракула говорили сами боги. Кроме того, он твердо верил в то, что «душа бессмертна и вечна, а после смерти наши

души продолжают существовать в ином мире». Хотя большую часть времени он пытался уклониться от суеверного поклонения богам и от той «мыльной оперы», которую представляла собой их мифология, он тем не менее верил, что какой-то бог все-таки существует. Он считал, что каждый, скорее всего, верует в какого-то бога, — занятное объяснение из уст человека, всю жизнь прошедшего в попытках вывести людей из их заблуждений.

Однако философия Сократа не вся была посвящена правилам рассуждений и методу анализа. В ней мы обнаруживаем также ряд позитивных положений, из чего можно сделать вывод, что и ему, по всей видимости, доводилось на собственном опыте испытывать терпкий вкус своего собственного лечения критикой. Так, будучи действующим лицом платоновского диалога «Федон», Сократ выдвигает теорию форм, или идей. Многие приписывают ее авторство самому Платону, которые будто бы лишь выразил ее устами Сократа. Однако когда Платон написал «Федона», все другие действующие лица этого диалога были еще живы. Таким образом, можно допус-

тить, что, если только Платон не имел желания провести уйму времени в судах, взгляды, излагаемые этими действующими лицами, — это именно то, во что они на самом деле верили. И, вероятнее всего, они обсуждали их с настоящим Сократом. И хотя Платон строил свой диалог большей частью на фактических источниках, непохоже, чтобы он вывел на сцену выдуманного Сократа, обстоятельно излагавшего взгляды, которых у него никогда не бывало. Платон также отмечает, что Сократ «часто выдвигал эти ценности». Несмотря на то, что все это достаточно очевидно, теория форм обычно все же приписывается Платону.

Тем самым исследователи, видимо, хотят показать, как трудно определять авторство идей, когда человек ничего не записывает (быть может, именно поэтому многие из нас столь дальновидно воспользовались этой уловкой). Одно-то уж о теории форм-идей можно сказать наверняка: ни Сократ, ни Платон не были первыми, кто придумал ее. Этот подвиг обычно приписывают Пифагору. Как мы видели, исследования Пифагора по музыкальной гармонии привели его к убеждению,

что мир создан из чисел. Однако пифагорово понимание чисел во многих смыслах было ближе нашему представлению о форме. Согласно Пифагору, такие абстракции, как число и форма, выражали самую суть реального мира. Именно из этих абстрактных идей и создавались видимые, подверженные постоянным изменениям конкретные проявления этого мира. (Здесь мы видим явный отклик на мысль Парменида о том, что, в конечном счете, реальность является проявлением божественной сущности, которая объединяет в единое целое фрагменты нашего иллюзорного мира.)

В «Федоне» Сократ описывает природу мира форм (или чисел, или идей. Он использует греческое слово «эйдос». Это — изначальный корень нашего слова «идея», а перевести его можно по-разному: форма, идея, или, скажем, фигура, — причем понятия числа и формы, по существу, совпадают). Согласно Сократу, мир форм недоступен нашим чувствам, а доступен одной только мысли человека. Мы можем думать о таких понятиях, как «округлость» и «краснота», однако мы их не ощущаем. С по-

мощью наших чувств мы способны воспринимать лишь конкретный красный мяч. Он создан из понятий «округлость», «краснота», «упругость» и т. д. Как же это получается? По Сократу, отдельные предметы приобретают свои свойства от тех идей, которые их породили. Можно, например, объяснить это через образ гипсовой повязки, которая приобретает определенную форму. Отвлеченные формы — иначе говоря, идеи — придают конкретному предмету очертания, размер и другие качества.

Мир форм является единственным реальным миром, который к тому же обладает универсальностью. В нем каждая отдельная форма отлична от другой. Этот мир форм обладает иерархичностью, которая достигает вершины в таких вселенских идеях, как Добро, Красота и Истина. Воспринимая конкретные предметы, мы получаем представление о таких абстрактных качествах, как доброта, красота и истина. Таково тайно-мистическое отношение к миру. Оно созвучно идее индусов, от которой, скорее всего, и произошло, — идее о том, что мир — это призрачное покрывало Майи, которое для хорошего человека становит-

ся прозрачным. Согласно Сократу, эти универсальные идеи имеют для мира главенствующее значение, человек же воспринимает их через знакомство с реальным миром.

К счастью, такое запутанное учение, пренебрегающее спецификой того мира, в котором мы живем, не совсем лишено точности, так как число считается здесь синонимом этих возвышенных идей. Изучение числа как сущности объявляется главным делом. Так, математика рассматривалась греками как просветительская деятельность, хотя, конечно, лишь в одной своей чистой форме. Вычисление суммы углов многогранника было вполне принято. А вот выяснение того, сколько ведер понадобится, чтобы наполнить бак водой, считалось чем-то недостойным. В нашем материальном мире это вполне могло бы иметь практическую пользу. Подобное отношение с неизбежностью ориентировало науку на изучение тех аспектов действительности, которые мало связаны с практической стороной жизни. Такое положение сохранялось на протяжении всего развития западной культуры, а некоторые его проявления можно обнаружить даже сегодня.

Сократ вырос в век Перикла. В те времена Афины были самым сильным и цивилизованным городом-государством в эллинистическом мире, оказавшем огромное влияние на весь ход развития человечества. Кроме достижений в области скульптуры в эту эпоху наблюдался также расцвет демократии и становление математического и научного мышления. Появление Сократа ознаменовало собой наступление века философии.

Эпоха относительного спокойствия, которым был отмечен век Перикла, подошла к концу. В 431 г. до н. э. началась Пелопоннесская война. Эта разрушительная борьба между почти демократической морской державой Афин и помещански ограниченной воинствующей Спартой длилась более четверти века. Война и ее политические последствия оказались весьма продолжительными и сыграли роковую роль в жизни Сократа. Стоит вспомнить, что именно то самое, что кажется нам скучным и назидательным в его философии, зародилось в борьбе против постоянно меняющихся обстоятельств, на фоне слепого фанатизма, софистики и страха. Поиски личностной истины велись Сократом в век возникновения но-

вых ценностей и падения авторитетов. Что же касается нравственного климата той эпохи, то он был, с нашей точки зрения, слишком узнаваемым.

Когда началась Пелопоннесская война, Сократ был призван на военную службу в качестве гоплита (рядового третьего класса, носившего щит и меч). Существует множество противоречивых свидетельств о жизни Сократа. Однако единственное, с чем все, похоже, согласны, — это внешность Сократа, который считался одним из самых уродливых мужчин в Афинах. У него были длинные, тонкие и к тому же кривые ноги, брюшко, волосатые плечи и шея, кроме всего прочего, он был лыс (за эту самую голову его называли уродцем). Еще он прославился вздернутым носом, глазами навывкате и толстыми губами.

Помимо того, что Сократ сам по себе был похож на философа, он еще и одевался как философ. Зимой и летом он всегда ходил в одной и той же потрепанной тунике, на которую был надет изношенный хитон вдвое короче обычного. К тому же в любую погоду он разгуливал босиком. По словам его коллеги софиста Антифона, «раб, которого заставили бы так одеваться, давно

бы сбежал». Несмотря на все это, Сократ, видимо, был прекрасным воином.

Такие чудаковатые умники обычно не слишком популярны среди военных. Тем не менее Сократу отлично удавалось развлечь и позабавить солдатскую братию. Он принимал участие в осаде Потидеи, что в Северной Греции, где зимы бывают очень холодными, особенно когда с гор начинают дуть северные ветры. Зимой древнегреческие войска фактически превращались в разношерстный сброд. Солдаты кутались в шкуры, заматывали ноги кусками войлока и были мало похожи на стройных нагих юношей во время состязаний в том виде, в каком мы видим их на греческих вазах. Солдатам наверняка не раз приходилось, посмеиваясь, наблюдать за тем, как на параде Сократ в своем дырявом хитоне неуклюже топал босыми ногами по льду и снегу.

Но особенно забавно было смотреть на Сократа, когда он «думал». Алкивиад, служивший в Потидейскую кампанию вместе с Сократом, рассказывал, как однажды наш философ проснулся с утра пораньше и принялся обдумывать какой-то исключительно важный вопрос. В течение дол-

гих часов его товарищи наблюдали за тем, как Сократ стоял неподалеку в созерцательной позе, напрочь забыв об окружающем мире. Во время ужина он все еще стоял на том же месте. Несколько его соотечественников были столь озадачены, что решили спать не в палатках, а на воздухе, просто ради того, чтобы посмотреть, сколько же еще времени Сократ будет разыгрывать этот спектакль. Он простоял всю ночь, до рассвета. Затем подошел к своим, прочел молитву на день грядущий и, как ни в чем не бывало, занялся своим делом.

Такова лишь одна история об умении Сократа впадать в глубокий транс. Собственно, она-то и заставила некоторых комментаторов подозревать, что Сократ страдал некой особой формой каталепсии (столбняка). Есть еще одно свидетельство, будто Сократ слышал некие «голоса». Все это вместе может навести нас на мысль о его психическом нездоровье. Тем не менее все факты, дошедшие до нас о Сократе, подтверждают мысль о том, что он был в высшей степени здоровым и уравновешенным человеком. По существу, его философия часто кажется не более чем блиста-

тельным применением здравого смысла, приправленного щепоткой природной хитрецы.

Однако человек, который мог впадать в транс, когда окружающие томились от скуки военной жизни, при этом был отважным храбрым, когда того требовали обстоятельства. По словам Алкивиада, Сократ однажды увидел, как он лежит раненый посреди кровавой сечи. Он поднял Алкивиада на плечо и, пронеся его сквозь строй вооруженных солдат противника, спас ему жизнь.

У Платона есть рассказ о том, как юный Алкивиад однажды влюбился в Сократа. Представить себе это трудно, и можно лишь предположить, что у Алкивиада были нелады со зрением, хотя об этом нигде не упоминается. Алкивиад говорил: «Когда я слушаю его голос, сердце у меня бьется гораздо сильнее, чем у беснующихся корибантов» (Платон, «Пир», 215e). Такая восторженность и в самом деле наводит на мысль, что впечатлительный юноша был поражен мудростью Сократа. Но это не так. В отрывке, столь любимом учениками классических гимназий (и подвергнутом суровой цензуре их учителями), Алки-

виад описывает, как он пытался соблазнить Сократа.

Сначала Алкивиад устроил так, что они с Сократом целый день провели наедине и Алкивиад «ждал, что вот-вот он заговорит с ним так, как говорят без свидетелей влюбленные с теми, в кого они влюблены» (Платон, «Пир», 217в). Однако Сократ упорно держался бесед об одной лишь философии. Далее Алкивиад пригласил Сократа в гимнастический зал. В те времена большинство атлетических мероприятий проводились в обнаженном виде, поэтому Алкивиад, должно быть, подумал, что все, похоже, складывается удачно, раз уж Сократ принял его предложение. Правда, тут же на ум приходит мысль, как же должен был выглядеть лысый, брюхастый, кривоногий Сократ, раздевшись догола в гимнастическом зале. Впрочем, Алкивиад, видимо, не разочаровался сим развевающим всяческие романтические иллюзии зрелищем, и ему даже удалось потягаться с Сократом в игре «кто кого положит одной рукой», когда рядом уже никого не было. «На том все и кончилось» (Платон, «Пир», 217е).

Наконец, Алкивиад решил пригласить Сократа отужинать с ним, чтобы напоить его. Сделать это ему не удалось (никому и никогда это не удавалось, сколько бы Сократ в себя ни вливал), однако Алкивиад «после ужина болтал с ним до поздней ночи, и когда он собрался уходить», Алкивиад «сослался на поздний час и заставил его остаться». Потом, по словам Алкивиада (согласно Платону), «он лег на соседнее с моим ложе, на котором возлежал и во время обеда, и никто, кроме нас, в комнате этой не спал...» (Платон, «Пир», 127е). Под покровом ночи Алкивиад подкрался к Сократу и «обеими руками обнял его». Однако Сократ все еще не испытывал желания, и под конец они проспали вместе всю ночь в объятиях друг друга, «как если бы (он) спал с отцом или старшим братом» (Платон, «Пир», 219d). В соответствии с нравами того века умение Сократа совладать с напором такого миловидного юноши, как Алкивиад, рассматривалось как почти сверхчеловеческая сдержанность.

Сократив был аскетом — об этом говорят как его внешность, так и исторические свидетельства других людей. К тому же его жизнь едва ли мож-

но назвать легкой. Он постоянно был убит горем и грыз себя, так как отказывался работать. Он с завидным упорством посвящал все свое время от бога данному ему делу — разъяснял афинским гражданам всю глубину их невежества. Но он, похоже, получил крохотное наследство от своего отца, к тому же за ним хорошо присматривали его влиятельные друзья, которые часто кормили его. Наверное, Сократ умел прекрасно развлекать других во время обильных застолий. Непрерывно рассуждая, он охотно засиживался в гостях до самого рассвета, да и перепить он мог кого угодно. Эти встречи с обильными угощениями обычно представляли собой мальчишники, однако однополых проказ на них не бывало. Иной раз приводили гетер (куртизанок), и Сократ, похоже, находил в этом усладу, получая свою долю все равно чего, лишь бы оно доставалось бесплатно, — сверх закуски и выпивки.

Согласно Диогену Лаэртскому, часть своего времени Сократ уделял тому, что вел непринужденные беседы во время занятий с группами молодых учащихся. Все это проходило в лавке некоего Симона-сапожника, у межевого камня Агоры.

У края Агоры до сих пор есть Хорос с надписью «Я — межевой камень Агоры». Камень стоит рядом со стеной небольшого древнего жилища. В ходе недавних раскопок у этой стены отрыли множество рассыпанных сапожных гвоздей и чашу V в. до н. э. с написанным на ней именем «Симон». Таким образом, чудом была обнаружена та самая лавка, в которой учительствовал Сократ.

Несколько лет тому назад, когда я был в Афинах, я посетил это место и измерил его. Оказалось, что в основании — квадрат. Всего каких-то четыре на четыре шага. Можно себе представить, какая теснотища царила внутри: то Симон колотит молотком, то входит или выходит случайный посетитель, навлекая на свою голову какое-нибудь остроумное замечание. Учительство при таких обстоятельствах требовало, вероятно, смекалки и умения владеть аудиторией — два качества, которые философы, похоже, с тех пор порядком растеряли. Сократ был талантливейшим лицедеем. И что бы там о нем ни говорили, ему всегда удавалось устроить «шоу». Можно сказать, что Сократ и поныне остается великой разновидностью комедианта от философии.

Чему же конкретно учил Сократ на этих занятиях? Одно из наиболее часто приводимых высказываний его таково: «А жизнь без (такого) исследования не есть жизнь для человека» (Платон, «Апология Сократа», 38a). Это в большой степени — отношение человека, живущего умственным трудом, хорошо чувствующего время. Греческие города-государства, вероятно, были первыми обществами, которые произвели нечто похожее на интеллектуальный средний класс, обладающий (благодаря демократии) некоторой степенью независимости и возможностью (благодаря рабству) иметь досуг. У греков было достаточно времени, чтобы следовать за полетом собственных мыслей, куда им заблагорассудится, и приходиться к самостоятельным выводам. Самобытная мысль любого порядка требует праздности — этот факт остается вне поля зрения тех добросовестных, но часто посредственных людей, которые вынуждены зарабатывать себе на жизнь.

Сократ считал, что истинной самостью человека является его душа (псюхе). До него философы в свое время утверждали, что душа — это вечное «дыхание жизни» в нас, которое «спит в то

время, когда тело действует, но бодрствует, когда тело спит», — нечто вроде бессмертного подсознания, мало отличающегося от того, о чем пишет в своем учении Юнг. Сократ рассматривал душу как *сознательную* личность: как некую сущность, которая может быть умной или глупой, хорошей или плохой, — то есть как нечто такое, за что мы нравственно в ответе. Он считал, что следует стремиться к тому, чтобы сделать нашу душу как можно лучше, дабы она могла уподобиться Богу.

Однако зачем? Сократ доказывал, что все люди стремятся к счастью. Достигают они этого или не достигают — все зависит от состояния их души. Лишь добрые души достигают состояния счастья. Причина, по которой люди поступают нехорошо, в том, что вещи, к которым их влечет, только кажутся хорошими, но на деле отнюдь не хороши. Если бы люди только знали, что является хорошим, — они бы всегда вели себя как подобает. И тогда бы не было конфликтов ни внутри нас самих, ни в обществе. Наверное, один лишь философ мог столь просто и уверенно верить в это. Легко утверждать, что все мы обладаем неким туманным неисследованным понятием добра. Ведь

стоит нам только задуматься о нем, сводя его к частностям реального мира, как мы обнаруживаем, что начинаем расходиться во мнениях — и в личном смысле, и в общественном. Хорошо ли тратить время на размышления о философии? Хорошо ли лишать женщин права голоса?

Греки жили в небольших городах-государствах, а это вело к поискам согласия. Афины, могущественнейший из всех греческих городов-государств, насчитывал в то время 42 тысячи свободных взрослых мужчин. Кроме того, греки свято верили в умеренность. (На святилище Аполлона в Дельфах, где пророчествовала пифия, было вырезано в камне еще одно известное изречение: «Ничего сверх меры».) Представление Сократа о добре, по всей вероятности, можно расценивать как результат стечения его личных обстоятельств, а также влияния его эпохи. Все население Афин тех времен — включая женщин, детей, иноземцев и рабов — составляло, видимо, около 250 тысяч человек. Но считало ли большинство населения Афин, лишённое прав, что причина всех их несчастий в плохом состоянии их душ, — это уже другой вопрос.

В возрасте 50 лет Сократ женился на Ксантиппе. Известны дошедшие из прошлого рассказы сторонников мужского шовинизма о боевой и задиристой Ксантиппе, однако не надо забывать, что ведь и жизнь с Сократом была не сахар. Представьте себе, что вы живете с человеком, который целыми днями ходит по улицам и ведет философские споры, не стремясь заработать ни копейки. После попок со своими друзьями он является, когда бог на душу положит (при этом снова без денег), и его, как и всех других философов, поднимают на смех соседи. (Почти четверть современных афинских приколов из обширного собрания анекдотов и древних шуток, дошедших до нашего времени, изображают философа как ничемную, падшую личность.)

Считается, что Ксантиппа была единственной, кто мог совладать в споре с Сократом. Тем не менее, как это часто бывает при таких «бурных» отношениях, имеется свидетельство одного человека, что Сократ и Ксантиппа были очень близки. У нее от него было 3 сына, но ни один из них, похоже, ничему выдающемуся от отца не научился. (Все как один утверждают, что сыно-

вья Сократа прожили совершенно обычную жизнь.) Ксантиппа, несмотря на свое постоянное недовольство мужниным поведением, похоже, прекрасно понимала, каким незаурядным человеком был ее муж. Она, не колеблясь, оставалась рядом с Сократом, когда нужда шла за ним по пятам, и глубоко страдала после его смерти.

Когда Сократу было 65 лет, Пелопоннесская война наконец окончилась позором и унижением для Афин. Лисандр, победоносный вождь Спарты, приплыл в Пирей, чтобы проследить за учреждением правительства, настроенного лояльно к Спарте. Так в Афинах воцарилось правительство тридцати тиранов. Началась эпоха устрашения: повсюду проходили аресты, творился неправый суд, собственность политических противников конфисковывалась. Многие из тех, кто разделял идеи демократии, бежали из Афин, однако Сократ остался. Впрочем, несмотря на его индивидуализм, Сократ не был демократом. Демократия как форма правления находилась в те времена еще в процессе становления и часто отступала от тех принципов, к которым мы привыкли сегодня. В Афинах даже военачальники изби-

рались народным голосованием — причем этот метод оказался менее действенным, чем наш сегодняшний принцип выдвижения командиров из рядов кадровых офицеров. Демократов часто брали за неудачные военные действия, в результате чего Афины были поставлены на колени. Однако у Сократа были философские причины для критики демократии, согласующиеся с его этической теорией. Он утверждал, что большинство людей чувствуют себя несчастными, ничего не зная об истинном благе. В результате людям приходится выбирать правителей, которым свойственно такое же неверное представление о благе. Именно это и стало причиной того, что Сократ остался, подвергнув себя опасности. Ведь он искренне верил, что есть лишь одно истинное благо и обнаружить его можно только вооружившись его собственным методом. Когда Платон стал развивать эти идеи в своем утопическом сочинении «Республика», то вариант идеального общества, который он предложил, в конечном счете оказался настоящим тоталитарным кошмаром. Вслед за Платоном (и Сократом) как коммунистическая, так и нацистская идеологии были

убеждены, что существует только одно истинное благо, которое можно постичь лишь с помощью их философского мировоззрения.

Одним из лидеров правления тридцати тиранов был Критий, бывший ученик Сократа. Однако он вскоре понял, что идеи образования и воспитания, которые он разделял в юности, его больше не привлекают. Не то чтобы он забыл Сократа, вовсе нет. Запретив разговоры о философии на улицах Афин, Критий особо упомянул Сократа. Критию, как никому другому, было хорошо известно, как его старый учитель умел играть словами, извлекая из них новые смыслы, а Критий был против этого. Деятельность, которую вел Сократ, независимо от того, называл ли он ее философствованием или нет, была им строжайше запрещена.

Некоторые склонны были считать, что Сократ решил остаться в Афинах в знак одобрения правительства тиранов. Однако позднее, когда разразилась гражданская война, Сократ ясно дал понять, что он не желает ввязываться в политику, — он упорно стремился следовать своим принципам.

Тем не менее в Афинах V в. до н. э. было практически невозможно избежать участия в политической жизни (если только вам не выпало родиться женщиной или рабом). Тираны прекрасно осознавали ту пропасть, которая отделяла их от афинского народа, и старались вовлечь как можно больше людей в свою политику террора, дабы сделать и других его соучастниками. Будучи принципиальным и последовательным человеком, Сократ, по всей видимости, не мог бы избежать этой участи. Известно, что как-то раз его и еще четырех человек вызвали к тиранам и приказали выполнить определенное поручение. Сократу надлежало отправиться на остров Саламин и арестовать Леонта, лидера демократической оппозиции. Это было противозаконно, и Леонт почти наверняка был бы убит, как только его доставили бы в Афины. Несмотря на возможные последствия своего поступка, Сократ просто проигнорировал незаконные распоряжения и отправился домой. Если бы не целый ряд непредвиденных обстоятельств, Сократу его самоволка вполне могла бы стоить жизни; но Крития убили, а правительство тридцати тиранов вскоре было низложено.

На смену тиранам пришли демократы, у которых, в свою очередь, был зуб на Сократа. Однако для того, чтобы залечить раны гражданской войны, была объявлена всеобщая амнистия, и Сократ уцелел. Во всяком случае, так казалось. В 399 г. до н. э. Сократ был арестован по обвинению в безнравственности и развращении молодежи. За этими обвинениями стоял ведущий демократ по имени Анит, который издавна завидовал Сократу. За несколько лет до этих событий сын Анита стал учеником Сократа, и в скором времени его учитель убедил его в том, что ему лучше вести «жизнь философа», нежели заниматься семейным ремеслом в дубильне. Обвинения против Сократа были до смешного необоснованными, тем не менее они могли повлечь за собой смертную казнь. Это было бы слишком жесткой мерой наказания. Сократ, конечно же, был не слишком популярен, как и любой мыслитель, отстаивающий свои странные взгляды и придерживающийся принципов. Но при чем же здесь смертная казнь? Казнить семидесятилетнего человека? Эти обвинения и последующие события до наших дней все еще окутаны ореолом таинствен-

ности, и похоже, тайна эта так никогда и не будет раскрыта. Хотя я вполне допускаю, что это неизвестно только нам. Ибо, скорее всего, в Афинах каждый знал, в чем было дело.

Сократ предстал перед судом из пятисот членов правящего совета, каждый из которых был произвольно избран из свободных афинских граждан. Дело против Сократа было внесено на рассмотрение Мелетом, который был, по существу, шестеркой в игре Анита. Мелет был молодым поэтом-трагиком, к тому же не слишком удачливым: длинные волосы, жиденькая борода, нос клювом. Его речь была едкой и саркастичной. Одним словом, достойный противник для хитрого старого Сократа.

Мелет потребовал вынесения обвинительного приговора и смертной казни для Сократа. Защита обвиняемого отныне находилась в его собственных руках. Впрочем, Сократ недооценил всей серьезности своего положения и обратился к суду, как если бы суд принимал участие в одном из занятий Сократа по искусству ведения беседы.

Кого-то из членов совета это позабавило, но — немногих. В итоге голоса распределились следу-

ющим образом: 280 голосов — за смертную казнь и 220 — против.

Теперь Сократу предстояло выдвинуть встречное предложение, чтобы смягчить приговор. Он все еще отказывался всерьез воспринимать этот суд. Обвинения против него были смехотворны, и он это понимал. Сократ предложил вместо наказания воздать ему почести за все то, что он сделал для города. Вместо смертного приговора Сократу, по его мнению, следовало бы предоставить место в Пританее — священном зале, в котором почетным гражданам и победителям спортивных соревнований подавали даровой обед за общественный счет.

В суде поднялся гул.

Посчитав, что все это выходит за границы здравого смысла, Сократ предложил заменить приговор штрафом — сообразно с его материальными возможностями, причем предложил смехотворную сумму в одну мину (этих денег хватило бы на кувшин вина).

Снова раздался гул возмущенных голосов. Теперь уже друзья Сократа кинулись уговаривать его, чтобы он образумился. Тогда Сократ с нео-

хотой выдвигает другое предложение: вместо смертного приговора выплатить 30 мин.

Тут уже и совет не выдержал. На этот раз они вновь проголосовали за смертную казнь: 360 голосами против 140.

Здесь мы видим отчетливое проявление упорства Сократа по отношению к суду. Неужели он в самом деле считал, что суд «вознаградит его по достоинству» и отпустит с миром? Или Сократ решил умереть? (Если бы в качестве приговора себе он предложил ссылку, суд, разумеется, согласился бы на это. В этом случае Сократа наверняка поддержали бы его друзья, окружив его заботой.) Тогда можно было бы думать, что Сократ решил — пусть даже и подсознательно — обречь себя на мученичество.

Тогда Сократа увели бы из суда, тут же вынеся ему приговор. Однако накануне суда священный корабль отплыл в ежегодное путешествие на остров Делос — более чем на 100 миль по Эгейскому морю. До его возвращения не разрешалось совершать никаких казней. Поэтому на Сократа надели наручники и доставили в государственную тюрьму.

Здание этой тюрьмы до сих пор можно увидеть в 100 ярдах к юго-западу от развалин Агоры, на каменистом пустыре с остатками старых фундаментов. Комната и баня, где был заключен Сократ, расположены рядом, справа от входа. Именно здесь он и принимал друзей в последние дни своей жизни. Именно в этом помещении (шесть на шесть шагов) и произошли события, описанные Платоном в его самых умных диалогах — шедеврах древнегреческой литературы, достойных сравнения с творениями Гомера и трагедиями.

Герой этих диалогов остается самим собою до конца, человеческим, мудрым, и не может не восхищать, причем понятно, что делает он это сознательно. В самом начале друг Сократа Критон сообщает ему, что он уже подготовил все для побега, подкупив стражу, которая сделает вид, что не заметила побега. Однако Сократ отверг это предложение. Он понимал, что если согласится, то это придет в противоречие со всем его учением. Вера Сократа в силу закона была непоколебима — даже если закон ошибочен.

Наконец приходит новость о том, что священный корабль скоро вернется в Афины. Дру-

зья Сократа и его жена Ксантиппа собираются в тюремной камере. Сократ отсылает Ксантиппу прочь, чтобы избежать лишних эмоций при посторонних. Уходя, Ксантиппа восклицает: «Ведь ты невиновен!» В свойственной ему манере Сократ дает ответ: «А ты бы, что, хотела, чтобы я был виновен?»

Сократ ведет беседу с друзьями (ученики были бы здесь более кстати) о природе смерти и бессмертия.

Все это с глубоким волнением описывает Платон, хотя сам он при этом не присутствовал (как раз в тот день Платон не мог подняться с постели из-за лихорадки). Потом Сократу протягивают чашу с цикутой. (В Афинах приведение смертной казни в исполнение осуществлялось по принципу «сделай сам!».) Верный себе до конца, Сократ спрашивает: «Что же мне делать?» (Платон, «Федон», 117в). — «Да ничего, — отвечает тот, — просто выпей и ходи до тех пор, пока не появится тяжесть в ногах, а тогда ляг. Оно подействует само...» (Платон, «Федон», 117в). — «Как, по-твоему, этим напитком можно сделать возлияние кому-нибудь из богов (или нет)?» (Платон, «Фе-

дон», 117в). — «Мы стираем (яду) ровно столько, Сократ, сколько надо выпить...». Сократ «поднес чашу к губам и выпил до дна — спокойно и легко».

Его друзья «уже не могли сдержать слезы»... и «слезы лились ручьем».

Сократ увещает их: «Ну, что вы, что вы, чудакки! Тише, сдержите себя... Разве не для того главным образом отослал я отсюда Ксантиппу, чтобы избежать подобных волнений?» (117е).

Сократ «лег на спину» и «понемногу ведя рукой вверх, показывал нам, как тело стынет и коченеет» (118).

«Критон, мы должны Асклепию петуха. (Так отдайте же, не забудьте!)» (118) — были его последние слова.

Потом «афинский овод» отошел в мир иной.

В изложении Платона последние слова Сократа звучат вполне достоверно. Но эти слова — не последние по своей значимости, потому что не совсем понятно, что они означают. Мы можем быть вполне уверены, что истина одержала побе-

ду над литературой (даже если Платону действительно пришлось положиться на слухи, которые ему сообщили друзья).

Понятно, что последние слова Сократа получили многочисленные толкования. Скорее всего, Сократ просто взял цыпленка у друга по имени Асклепий и хотел вернуть долг. Однако для многих исследователей это представляется чересчур уж заурядным толкованием. Асклепий, кроме довольно распространенного имени, — еще и бог врачевания и исцеления. (Обычно его изображали идущим с посохом, вокруг которого обвилась змея: таков источник знака мудрой, как змея, медицины, до сих пор украшающего аптеки и пункты скорой помощи.) Есть люди, которые предполагают, что последние слова Сократа означают будто бы, что он просто просил о том, чтобы заплатили его врачу. Но есть и более изощренное метафизическое объяснение. Что еще могут означать последние слова Сократа? «Критон, мы должны принести Асклепию в жертву петуха. Проследи и не забудь». Считалось, что Асклепий мог излечивать душу от недугов этого мира, когда она готовилась перейти в мир иной.

Поэтому желание Сократа принести в жертву цыпленка, вполне возможно, было связано с надеждой на безопасный переход его души в лучший мир. Это вполне может быть воспринято в русле его веры в бессмертие души. Так, Сократ объяснял собравшимся друзьям перед тем, как он выпил чашу с цикутой: «Тех, кого по тяжести преступлений сочтут неисправимым (...) злодеем, тех подобающая им судьба низвергнет в Тартар (Платон, «Федон», 113е, 114а, в)... За добрые дела получают воздаяния — каждый по заслугам... Те, о ком решат, что они прожили особенно свято: их освобождают и избавляют от заключения в земных недрах, и они приходят в страну высшей чистоты, находящуюся над той Землей (и там поселяются). Те из их числа, кто благодаря философии очистился полностью... прибывают в обиталища, еще более прекрасные» (Платон, «Федон», 114в, с).

Сократ был всего лишь человеком (и всего лишь философом), чтобы признаться в некоторой неуверенности по этому вопросу. Перед тем, как выпить цикуту, он сказал друзьям так: «Но вот уже время идти отсюда, мне — чтобы умереть, вам,

чтобы жить, а кто из нас идет на лучшее, это ни для кого не ясно, кроме бога» (Платон, «Апология Сократа»).

Когда Сократ умер, афиняне осознали всю несправедливость принятого ими приговора. В Афинах объявили дни оплакивания Сократа. Гимнастические залы, театры и школы были закрыты, Мелет приговорен к смерти, а Анит изгнан. Позднее на Священной дороге поставили бронзовую статую Сократа, сделанную Лисиппом. Это в основном, конечно, было сделано для безработных, чтобы они могли собираться у ног самого благородного из их защитников.

Все это выглядит весьма прилично и почетно и вполне положительно характеризует афинских граждан. Однако мне кажется, что Сократ попросту стал заложником какого-то более глубокого политического замысла. Но в целом можно сказать, что Сократ выиграл в этой игре, причем даже не пошевелив для этого пальцем, — иначе мы не читали бы о нем сейчас.

Послесловие

НЕУЛОВИМЫЙ СОКРАТ

О Сократе мы знаем из двух источников — из сочинений Платона и Ксенофонта. Оба они были учениками Сократа. Платон в дальнейшем стал философом, изложив свои философские взгляды в своих блестящих диалогах, где в качестве действующего лица чаще всего выступает Сократ. Что же касается Ксенофонта, то он стал солдатом. Правда, его военная карьера не удалась, так что в конце концов он ушел из армии и принялся писать одно из своих наиболее известных сочинений «Воспоминания о Сократе», где описывается личность мыслителя.

К сожалению, эти два первоисточника дают совершенно разное представление о Сократе,

причем приведенные в них описания совпадают лишь частично. Ксенофонт по природе своей был консервативен, и его задевало, что его старого учителя обвиняют в развращении афинской молодежи. Изображение Сократа, написанное Ксенофонтом в защиту последнего, содержит великое множество исторических подробностей, но весьма мало собственно философии. Читая его, иной раз невольно начинаешь думать, что вряд ли Сократ вообще был философом. В одном из диалогов Ксенофонта («Домострой»), где Сократ выступает как главное действующее лицо, он, как это ни странно, дает советы по садоводству. А идеи Сократа в «Воспоминаниях» Ксенофонта настолько скучны и неоригинальны, что становится трудно понять, откуда возникла вся эта суета вокруг него и почему его считают философом и мудрецом. Такого человека, конечно же, никогда не стали бы преследовать за проповедь крамольных взглядов, но его никогда и нельзя было бы считать великим философом.

Возможно, Ксенофонт был слишком недалеким, чтобы понять идеи Сократа, но в то же время возникает ощущение, что он был настолько

лишен воображения, что не мог бы придумать вымышленный образ, далекий от того, что наблюдал в реальности. Именно по этой причине многие склонялись к тому, чтобы принять образ Сократа именно в его описании. Бертран Рассел решительно выступает против такого отношения: «Рассказ глупого человека о том, что сказал умный человек, никогда не является верным, потому что он помимо своей воли переводит то, что слышал, в те образы и представления, которые он сам в состоянии понять».

Что же касается пересказа идей Сократа Платоном, то последний, скорее всего, был слишком умен и привнес в повествование слишком много своего. Тот образ Сократа, который возникает из диалогов Платона, фактически можно считать блестяще написанным литературным портретом. Перед нами — блестящий персонаж, созданный рукой мастера, и это наводит нас на подозрение о том, что прообраз был сильно улучшен (причем это «улучшение» было в большей мере художественным, нежели нравственным, — платоновский Сократ не является святым).

Ко всему прочему, трудно отделить то, что в действительности говорил Сократ, от того, что Платон хотел вложить в его уста. Известно, что значительную часть своей собственной философии Платон выразил через рассуждения Сократа, но сколь много?

Изображение Сократа, которое я попытался создать, взято из обоих этих источников. Там, где образы, созданные авторами, совпадают, перед глазами как живой встает человек, чья правота никогда не вызывает сомнений, но чьи слова и поступки всегда непредсказуемы. Собственно, это была попытка поймать неуловимый облик этого человека.

Все сходятся на том, что Сократ в известной мере гордился своей непредсказуемостью и неуловимостью, причем это относилось как к спорам, так и к его собственной личности. Возможно, он и до сих пор продолжает морочить нам голову.

НАСЛЕДИЕ СОКРАТА

Наследие это нельзя оценить как однозначное (без всякого сомнения, он сам этого хотел). Он оказал сильное влияние на Платона, и, тем

самым, его идеи постоянно питали философию вплоть до наших дней. Это древнегреческое наследие вполне можно сравнить с чесноком. Стоит ему попасть в какое-то блюдо, от него уже не отделаешься. Общий строй философских рассуждений и их древнегреческий привкус продолжают воспроизводить себя независимо ни от чего.

Решающую роль сыграл в этом диалектический метод Сократа, который он использовал для ведения беседы. Наверняка именно сократовский метод ведения бесед подсказал Платону литературную форму его великих диалогов. Что же касается влияния этого метода на философию, то его поистине невозможно переоценить. Фактически, тот метод, какой Сократ применял для анализа предмета разговора, стал свидетельством первого серьезного применения разума в философском рассуждении просто ради самого разума. Сократ обычно для начала просил собеседника дать определение обсуждаемому предмету, причем тема могла быть какая угодно — начиная от природы справедливости и заканчивая тем, как стать военачальником. Подход к предмету был всегда одинаковым, независимо от того, был он

возвышенным или смешным. Такова была новаторская сущность диалектики: она представляла собой орудие, которое можно было применить к чему угодно. Извлекая на свет определение предмета, Сократ затем обычно принимался искать в нем смысловые «дыры», стремясь постепенно придти к еще более удачному определению предмета. Таким образом, от частных случаев Сократ переходил к понятиям, имеющим более общее применение, доходя в конечном итоге до всеобщей истины.

Такого рода истины, а также метод Сократа, направленный на их достижение, стали провозвестниками логики, которая была изобретена спустя столетие Аристотелем, учеником Платона. Аристотель также принял теорию форм, или идей, хотя и видоизменил ее в соответствии со своими собственными представлениями о мире. Именно Аристотель вновь развернул философию к действительности, полностью изменив направление философской мысли, созданное Сократом и Платоном. Аристотель пытался охватить философией все — от космологии до раковиноведения, от науки до греха. Однако в конечном счете его глав-

ное достижение свелось к тому, что он очертил границы человеческого знания. И вновь приоритет был отдан теории по сравнению с достоверным знанием, которое можно было бы использовать в практических целях. Именно по этой причине после того, как римляне завоевали Грецию, философия пришла в упадок. Она оказалась бесполезной, а стало быть, не имела никакой пользы для римлян.

Падение Римской империи закончилось «темными веками» и возникновением религиозной культуры Средневековья. Философия по-прежнему пребывала в застое. Она создала абстрактное знание, похожее на вакуум, герметически запечатанный религиозными догмами. Умственная энергия, направленная на разработку самой изощренной, всеобъемлющей и глубокой теологии, по сути дела, зашла в тупик. Это был тот самый случай, когда гора родила мышь. На улицах из жалких лачуг с открытыми стоками для нечистот поднялись готические соборы, от чумы пытались излечиться при помощи суеверий.

Сократ не был в этом виноват, но то, что наши мысли после знакомства с его философией при-

няли определенное направление, на многое повлияло. Человечество в неоплатном долгу перед Сократом. Он показал, *как* можно пользоваться разумом, но в то же время поставил определенные границы его применению. В итоге интеллектуальное развитие оказалось сильно заторможенным. Можно сказать, что три четверти того времени, что существует философия, прошли впустую.

В качестве примера можно привести средневековое отношение к «черной смерти» — чуме, которая в XIV в. безвозвратно унесла более половины населения Европы. Ни для кого не было секретом, что чума заразна. (Болезнь вспыхнула в Европе после того, как трупы переболевших ею людей забросили с помощью катапульты в осажденный генуэзский торговый пост на Черном море.) Тем не менее этим практическим знанием фактически пренебрегли в пользу духовности. Почему? Потому что логика — наследница диалектики Сократа — обычно применялась к абстрактным идеям, а не к практическим вопросам. И этим мы обязаны Сократу. Впрочем, он, разумеется, не может быть в ответе за те последствия,

к которым привела его позиция, то есть за фактическое прекращение прогресса человечества. Все мы делаем ошибки, даже если являемся великими мудрецами. Мы просто не ожидаем, что эти ошибки будут увековечены почти на две тысячи лет.

Некоторые наблюдения приписываемые Сократу

Так как Сократ ничего не записывал, то представляется правдоподобным начать с цитаты, которая объясняет, почему он этого не делал:

«Раз я ничего не знаю, то что бы я мог записать?»

Далее он объясняет:

«...близ египетского Навкратиса родился один из древних тамошних богов... А самому божеству имя было Тевт. Он первым изобрел число, счет, геометрию, астрономию, вдобавок игру в шашки и в кости, а также и письмена. Царем над всем Египтом был тогда Тамус, правивший в великом городе верхней области, который греки

называют египетскими Фивами... Придя к царю, Тевт показал свои искусства... Когда же дошел черед до письмен, Тевт сказал: «Эта наука, царь, сделает египтян более мудрыми и памятьливыми, так как найдено средство для памяти и мудрости»... Вот и сейчас ты, отец письмен, из любви к ним придал им прямо противоположное значение... Они у тебя будут многое знать понаслышке, без обучения, и будут казаться многознающими, оставаясь в большинстве невеждами, людьми трудными для общения; они станут мнимомудрыми вместо мудрых».

(Платон, «Федр», 274с, d, e, 275а, в)

Обращаясь к матери, которая была повивальной бабкой, Сократ объясняет свой философский метод, сравнивая его с работой повитухи:

— А не слышал ли ты, что я сын повитухи?..
...А не слышал ли ты, что я промышляю тем же ремеслом?..

В моем повивальном искусстве почти все так же, как и у них, — отличие, пожалуй, лишь в том, что я принимаю у мужей, а не у жен, и принимаю роды души, а не плоти...

...Сам никакой мудрости не ведаю... Так что сам я не такой уж особенный мудрец, и самому мне не выпадала удача произвести на свет настоящий плод — плод моей души... И ясно, что от меня они ничему не могут научиться, просто сами в себе они открывают много прекрасного, если, конечно, имели, и производят его на свет. Повития же этого виновники — бог и я.

(Платон, «Теэтет», 149а, 150с, е)

Несколько остроумных замечаний и анекдотов.

«А жизнь без такого исследования не есть жизнь для человека» (Платон, «Апология Сократа», 38а).

«Нет, милый Агафонт, ты не в силах спорить с истиной, а спорить с Сократом дело нехитрое» (Платон, «Пир», 201с).

Один иностранец, физиономист, бывший проездом в Афинах, увидел там Сократа и прямо сказал ему, что он настоящее чудовище и скрывает в себе все самые худшие пороки и страсти. На что Сократ ответил: «Так вы меня хорошо знаете, сударь!»

(Цитировано по Ницше, «Сумерки богов», Проблема Сократа)

«Человеку, который спросил, жениться ему или не жениться, он ответил: «Делай, что хочешь, — все равно раскаешься». Удивительно, говорил он, что ваятели каменных статуй бьются над тем, чтобы камню придать подобие человека, и не думают о том, чтобы самим не быть подобием камня».

(Диоген Лаэртский, «Жизнь знаменитых философов», II, 3)

СОКРАТ ЗА РАБОТОЙ

Дело было так: Аристипп спросил Сократа, знает ли он что-нибудь хорошее...

— Даже много таких вещей, — отвечал Сократ.

— Все они похожи одна на другую? — спросил Аристипп.

— Нет, некоторые непохожи так, как только возможно...

— Так как же непохожее на прекрасное может быть прекрасно? — спросил Аристипп.

— На человека, прекрасного в беге... непохож другой, прекрасный в борьбе; щит, прекрасный для защиты, как нельзя более непохож на метательное копьё, прекрасное для того, чтобы с силой быстро лететь.

(Ксенофонт, «Воспоминания о Сократе», гл. VIII, 2, Разговор с Аристиппом о «хорошем» и «прекрасном»)

Сократ на суде объясняет причину своей непопулярности. Он вспоминает, что пифия Дельфийского Оракула однажды провозгласила его мудрейшим из людей: «...Что бы такое бог хотел сказать и что это он подразумевает? Потому что сам я, конечно, нимало не сознаю себя мудрым; что же это он хочет сказать, говоря, что я мудрее всех? Ведь не может же он лгать; не полагается ему это. Долго я недоумевал, что такое он хочет сказать; потом, собравшись с силами, прибегнул к такому решению вопроса: пошел я к одному из тех людей, которые сльвут мудрыми, думая, что тут-то я, скорее всего, опровергну прорицание, объявив оракулу, что вот этот, мол, мудрее меня, а ты меня назвал самым мудрым. Ну и когда я

присмотрелся к этому человеку — называть его по имени нет никакой надобности, скажу только, что человек, глядя на которого я увидел то, что я увидел, был одним из государственных людей, о мужи-афиняне, — так вот, когда я к нему присмотрелся (да побеседовал с ним), то мне показалось, что этот муж только кажется мудрым и многим другим, и особенно самому себе, а чтобы в самом деле он был мудрым, этого нет; и я старался доказать ему, что он только считает себя мудрым, а на самом деле не мудр; От этого и сам он, и многие из присутствовавших возненавидели меня. Уходя оттуда, я рассуждал сам с собою, что этого-то человека я мудрее, потому что мы с ним, пожалуй, оба ничего в совершенстве не знаем, но он, не зная, думает, что что-то знает, а я коли уж не знаю, то и не думаю, что знаю. На такую малость, думается мне, я буду мудрее, чем он, раз я, не зная чего-то, и не воображаю, что знаю эту вещь. Оттуда я пошел к другому, из тех, которые кажутся мудрее, чем тот, и увидел то же самое; и с тех пор возненавидели меня и сам он, и многие другие».

(Платон, «Апология», гл. 6)

Сократ утром накануне своей смерти в камере осужденных говорит с собравшимися друзьями о душе, истине и бессмертной мудрости:

«Словно какая-то тропа приводит нас к мысли, что, пока мы обладаем телом и душа наша неотделима от этого зла, нам не овладеть полностью предметом наших желаний. Предмет же этот, как мы утверждаем, — истина. В самом деле, тело не только доставляет нам тысячи хлопот — ведь ему необходимо пропитание! — вдобавок подвержено недугам, любой из которых мешает нам улавливать бытие. Тело наполняет нас желаниями, страстями, страхами и такой массой всевозможных вздорных призраков, что, верьте слову, из-за него нам и в самом деле совсем невозможно о чем бы то ни было поразмыслить! А кто виновник войн, мятежей и битв, как не тело и его страсти? Ведь все войны происходят ради стяжания богатств, а стяжать их нас заставляет тело, которому мы по-рабски служим. Вот по всем этим причинам — по вине тела — у нас и нет досуга для философии.

Но что всего хуже: если даже на какой-то срок освобождаемся от заботы о теле, чтобы об-

ратиться к исследованию и размышлению, тело и тут всюду нас пугает, сбивает с толку, приводит в замешательство, в смятение, так что из-за него мы оказываемся не в силах разглядеть истину. И напротив, у нас есть неоспоримые доказательства, что достигнуть чистого знания чего бы то ни было мы не можем иначе как отрешившись от тела и созерцая вещи сами по себе самою по себе душой. Тогда, конечно, у нас будет то, к чему мы стремимся с пылом влюбленных, а именно разум, но только после смерти, как обнаруживает наше рассуждение, при жизни же — никоим образом. Ибо если, не расставшись с телом, невозможно достичь чистого знания, то одно из двух: или знание вообще недостижимо, или же достижимо только после смерти. Ну, конечно, ведь только тогда, и никак не раньше, душа остается сама по себе, без тела. А пока мы живы, мы, по-видимому, тогда будем ближе всего к знанию, когда как можно больше ограничим свою связь с телом и не будем заражены его природою, но сохраним себя в чистоте до той поры, пока сам бог нас не освободит. Очистившись таким образом и избавившись от безрас-

судства тела, мы, по всей вероятности, объединимся с другими такими же, как и мы (чистыми сущностями), и собственными силами познаем все чистое, а это, скорее всего, и есть истина».

(Платон, «Федон», с. 89, «Апология Сократа», 42a)

Важные даты в философии

VI в. до н. э. - с Фалеса Милетского начинается западная философия.

Конец VI в. до н. э. - Смерть Пифагора.

399 г. до н. э. - Сократа приговаривают к смерти в Афинах.

387 г. до н. э. - Платон открывает Академию в Афинах, первый университет.

335 г. до н. э. - Аристотель основывает в Афинах Лицей, школу, конкурирующую с Академией.

ВАЖНЫЕ ДАТЫ В ФИЛОСОФИИ

324 г. н. э. — император Константин перемещает столицу Римской империи в Византию.

400 г. н. э. — Августин Блаженный пишет «Исповедь». Философию поглощает христианская теология.

410 г. н. э. - Осада Рима вестготами и начало «темных веков» Средневековья.

529 г. н. э. — Закрытие императором Юстинианом афинской Академии знаменует собой конец эллинистической культуры.

Середина XIII в. н. э. — Фома Аквинский пишет комментарии к трудам Аристотеля. Эпоха схоластики.

1453 г. — Захват Константинополя турками, гибель Византийской империи.

1492 г. — Колумб достигает берегов Америки. Флорентийское Возрождение и возобновление интереса к греческой культуре.

1543 г. — Коперник публикует работу «Об обращении небесных тел», математически доказывая, что Земля вращается вокруг Солнца.

1633 г. — Галилей под давлением церкви отрекается от гелиоцентрической теории вселенной.

1641 г. - Декарт издает «Философские рассуждения», рождение современной философии.

1677 г. — После смерти Спинозы выходит в свет его «Этика».

1687 г. — Ньютон публикует «Принципы», вводя понятие гравитации.

1689 г. - Локк пишет «Опыты о человеческом разумении». Возникновение эмпиризма.

1710 г. — Беркли издает «Принципы человеческого познания», расширяя горизонты эмпиризма.

1716 г. — Смерть Лейбница.

1739—1740 гг. — Юм публикует «Трактат о человеческой природе», доводя эмпиризм до его логического завершения.

1781 г. — Кант, разбуженный от «догматического сна» Юмом, пишет «Критику чистого разума». Начало великой эпохи немецкой метафизики.

1807 г. - Выходит в свет произведение Гегеля «Феноменология разума», шедевр немецкой классической философии.

1818 г. - Шопенгауэр публикует работу «Мир как воля и представление», внося в немецкую метафизику элементы индийской философии.

1889 г. — Провозгласивший смерть Бога Ницше сходит с ума в Турине.

1921 г. - Витгенштейн пишет «Логико-философский трактат», в котором утверждает, что нашел «окончательное решение» проблем философии,

1920-е гг. - Венский кружок разрабатывает логический позитивизм.

1927 г - Издается «Бытие и время» Хайдеггера, провозгласившего разрыв между аналитической и континентальной (европейской) философскими традициями.

1943 г. - Сартр публикует работу «Бытие и ничто», в которой развивает мысли Хайдеггера и кладет начало экзистенциализму.

1953 г. - Посмертная публикация «Философских исследований» Витгенштейна. Расцвет эпохи лингвистического анализа.

Хронология жизни Сократа

469 г. до н. э. — Совсем неподалеку от Афин родился Сократ.

Около 440 г. до н. э. — Пифия Дельфийского оракула провозгласила Сократа «мудрейшим из людей».

Около 430 г. до н. э. — Сократ служит в качестве гоплита (обыкновенного солдата) на Пелопоннесской войне и спасает жизнь Алкивиада в битве при г. Потидее.

423 г. до н. э. — Аристофан высмеивает Сократа в комедии «Облака».

Около 420 г. до н. э. — Сократ женится на Ксантиппе. В течение десяти лет у них рождается трое сыновей.

406-405 гг. до н. э. — Служит членом законодательного совета.

404 г. до н. э. — Отказывается выполнить приказ Тридцати тиранов об аресте Леонта Саламинского.

399 г. до н. э. — Обвинен в поклонении «новым божествам» и растлении юношества. Суд над Сократом, по окончании которого его приговаривают к смерти. По приговору суда принимает чашу с цикутой и умирает.

Эпоха Сократа

460 г. до н. э. — Расцвет творчества Эсхила, первого прославленного трагика мировой литературы.

460 г. до н. э. - Начало I Пелопоннесской войны между Афинами и Спартой. Рождение на о. Кос Гиппократ, по преданию, ставшего основателем медицины.

445 г. до н. э. - Конец I Пелопоннесской войны.

Сер. 440-х гг. до н. э. — Начало «золотого века» в Афинах в период правления Перикла. В течение этого времени — полный расцвет афинской культуры.

447 г. до н. э. — Начато строительство Парфенона на Акрополе в Афинах.

441-440 гг. до н. э. - Восстание на о. Самос нарушило мир в Эгейском море.

431 г. до н. э. - Начало II Пелопоннесской войны между Спартой и Афинами.

429 г. до н. э. — Смерть Перикла.

428 г. до н. э. - Смерть Анаксагора, первого афинского философа, учителя Сократа и Перикла.

415 г. до н. э. - Афины отсылают крупную экспедицию на завоевание Сицилии, которое оканчивается неудачно.

404 г. до н. э. - II Пелопоннесская война оканчивается унижительным поражением Афин. Тридцать тиранов берут власть в Афинах.

403 г. до н. э. — Тридцать тиранов низложены, демократия восстановлена.

400 г. до н. э. - Преобразование законов и всеобщая амнистия (которая не коснется, годом спустя, Сократа).

Об авторе

ПОЛ СТРЕТЕРН до настоящего времени преподавал философию и математику, а ныне живет и пишет в Лондоне. Обладатель премии им. Сомерсета Моэма, он также является автором книг по истории и путешествиям и пяти романов. Его статьи вышли в большом количестве изданий, включая «Обсервер» («Наблюдатель») (Лондон) и «Айриш Таймс» («Времена Ирландии»). Научную степень по философии Стретерн получил в Тринити Колледж (Колледж Троицы), Дублин.

Именной указатель

Агора	24
Алкивиад	35—39
Анаксагор	10—12
Анит	50
Антифон (Старший), софист	34
Аристотель	14,65,78
Архелай	18
Архимед	23
Афины	17,33,44
Демокрит	24
Диалектика	13
Диоген Лаэртский «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов»	17,40,72
Досократики	8—12
Евклид	23

Критий	48-49
Критон	54,56
Ксантиппа	45-46,55
Ксенофонт «Воспоминания о Сократе», «Домострой»	60-61,73
Леонт (Саламинский)	49
Лисандр	46
Мелет	51
Ницше, Фридрих «Сумерки богов»	72
Парменид Элейский	19-20
Пелопоннесская война	33,46
Перикл	10,11,33
Пифагор	29,78
Пифия Дельфийского оракула	26
Платон, «Апология Сократа»	42,58,71,74,75-77
«Пир»	37-39
«Республика»	47
«Теэтет»	70-71
«Федон»	28,30,55,58,75-77
Симон, сапожник	40
Спарта	33
Теория форм, или идей	30-32
Тридцать тиранов	46,49
Фалес Милетский	8-9,78
Федр	70
Фидий	11

Научно-популярное издание
Философы за 90 минут

Пол Стретерн
СОКРАТ ЗА 90 МИНУТ

Ответственный редактор *А. А. Гаспарян*
Технический редактор *Т. П. Тимошина*
Корректор *И. Н. Мокина*
Компьютерная верстка *И. А. Ильиной*

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, д. 3а

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, 93

Наши электронные адреса:
www.ast.ru. E-mail: astpub@aha.ru
E-mail редакции: magistr@astrel.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в
ООО «Типография ИПО профсоюзов Профиздат»
109044, Москва, Крутицкий вал, 18.

www.infanata.org

Электронная версия данной книги создана исключительно для ознакомления только на локальном компьютере! Скачав файл, вы берёте на себя полную ответственность за его дальнейшее использование и распространение. Начиная загрузку, вы подтверждаете своё согласие с данными утверждениями! Реализация данной электронной книги в любых интернет-магазинах, и на CD (DVD) дисках с целью получения прибыли, незаконна и запрещена! По вопросам приобретения печатной или электронной версии данной книги обращайтесь непосредственно к законным издателям, их представителям, либо в соответствующие организации торговли!

www.infanata.org